

Проблемы взаимодействия глухой, слабослышащей и слышащей молодежи в образовательном и социальном пространстве

Инна Жданова

Новосибирский
государственный
технический университет
(НГТУ), Новосибирск,
Россия
ivzhdanova@mail.ru

Александр Шец

Новосибирский
государственный
технический университет
(НГТУ), Новосибирск,
Россия
sashashec@mail.ru

Ключевые слова:

глухие, слабослышащие,
билингвизм, инклюзия,
инклюзивное
образование, русский
жестовый язык,
взаимодействие.

Статья написана на основании результатов анкетного опроса глухих, слабослышащих и слышащих студентов, обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования в российских вузах. Целью исследования было выявление их представлений о взаимодействии друг с другом в образовательном и социальном пространстве. Исходя из этой цели, к задачам исследования авторы отнесли: выявление отношения глухих, слабослышащих и слышащих студентов к инклюзивному образованию; определение наличия или отсутствия стереотипных представлений о глухих людях у слышащих студентов, а также — в случае наличия — характеристика их содержания; анализ и характеристика уровня знаний по РЖЯ среди глухих, слабослышащих и слышащих представителей студенческой молодежи, а также анализ их потребностей в организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования. Результаты исследования показывают, что далеко не все глухие, слабослышащие и слышащие представители студенческой молодежи разделяют концепцию образовательной и социальной инклюзии, подчеркивая наличие сложностей в организации образовательной деятельности при обучении глухих, слабослышащих и слышащих в одной студенческой группе. В результате исследования были определены проблемы социального взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов, а также получены данные о высокой степени сформированности потребностей в интенсификации их взаимодействия путем изучения РЖЯ и культуры глухих, а кроме того — организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве.

Введение

Проблематика исследования, посвященная взаимодействию глухих, слабослышащих и слышащих представителей молодежи, является достаточно актуальной, поскольку количество глухих и слабослышащих людей в мире и России значительно (при этом данные различных источников весьма отличаются): так, согласно отчету Всемирной федерации глухих, на 2018 г. в России насчитывалось около 13 млн людей с нарушениями слуха¹, а по данным Всероссийского общества глухих таких людей около 8 млн. По результатам переписи населения РФ 2020 года косвенно можно судить о количестве владеющих русским жестовым языком (РЖЯ) как преимущественным языком общения глухих. Так, 239930 человек указали на владение РЖЯ, при этом только 157354 человека указали его как преимущественный язык общения в повседневной жизни². Актуальность темы исследования также подтверждает и социально-политическая повестка, поскольку в России в последнее время много внимания уделяется проблемам формирования доступной среды для людей с инвалидностью и развитию принципов инклюзии в образовании и социальной жизни в целом. Это, например, находит отражение в принятии и реализации государственной программы РФ «Доступная среда», в которой отмечается, что повышение уровня образования людей с инвалидностью, в том числе в условиях инклюзивного образования, позволит сделать их экономически более активными, что в свою очередь будет способствовать более высокому уровню занятости этой категории граждан и приведет к их относительной независимости³. Если говорить о количестве и структуре людей

- 1 *Варинова О. А.* Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149).
- 2 Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami; Сайт Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество глухих». URL: <https://voinfo.ru/zhestovyj-jazyk/>.
- 3 Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 15, ст. 1746; 2021, № 14, ст. 2327.

с особенностями слухового восприятия, обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования, то, по данным мониторинга Министерства образования и науки РФ за 2022 год, общее их число составляет 1505 человек (4,44% от общего числа обучающихся в вузах людей с инвалидностью и людей с ОВЗ). Они обучаются в 342 вузах Российской Федерации, при этом последние четыре года снижается доля глухих и слабослышащих в общем количестве обучающихся с инвалидностью и ОВЗ. По данным Министерства просвещения РФ на 2022 год, по программам среднего профессионального образования обучалось 2625 студентов с особенностями слухового восприятия. При этом на протяжении последних четырех лет лидером по числу глухих и слабослышащих обучающихся является Центральный федеральный округ: в 2022 г. в вузах этого округа обучались 575 студентов с особенностями слухового восприятия, что составляет 38,21% от общего числа обучающихся с данной нозологией. Однако при этом можно говорить о том, что система инклюзивного образования, предполагающая, особенно на этапе получения профессионального образования, совместное обучение глухих, слабослышащих и слышащих, еще не в полной мере готова отвечать на вызовы политики доступности, поскольку ряд проблем как в организации образовательного процесса, так и в социальной адаптации глухих в процессе получения высшего и среднего профессионального образования в условиях инклюзивных групп еще не решены. К числу таковых можно отнести в том числе и проблемы коммуникации между глухими и слышащими в учебной и внеучебной среде.

Такое положение дел находит отражение в научно-исследовательской повестке. В отечественной социологии, психологии и педагогике можно выделить целый ряд исследований, посвященных изучению как проблем людей с инвалидностью в общем (например, работы Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой⁴), так и представителей отдельных нозологических групп — таких как глухие и слабослышащие, — в том числе в контексте сферы

4 Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. — Саратов: Научная книга, 2006. — 260 с.

образования. Так, например, Мирослав Ясин в своей работе⁵ рассматривает проблемы получения глухими высшего образования и в качестве основного барьера на пути к интеграции в общество для глухих и слабослышащих отмечает коммуникативный барьер, который наиболее четко проявляется в сфере межличностной коммуникации и доступа к информации. Также проблемами культуры глухих и возможностей их адаптации в обществе активно занимается Никита Большаков, который в своих работах делает акцент на изучении культурных практик глухих⁶. Большаков подчеркивает, что «трансформации, происходящие с профессиональной подготовкой глухих и слабослышащих (в т.ч. введение инклюзивного образования, расширение перечня доступных профессий, принятие новых стандартов, изменение правил приема и обучения глухих и слабослышащих), с одной стороны, открывают перед людьми с инвалидностью по слуху новые возможности, а с другой — становятся барьером на пути профессиональной адаптации и вызовом, в том числе в условиях пересмотра подходов к работе с глухими и слабослышащими»⁷.

В большинстве существующих исследований акцент делается на изучении самих глухих и слабослышащих и/или экспертов, но довольно мало внимания уделяется вопросам восприятия слышащими студентами глухих и слабослышащих людей, а также их мнению по вопросам инклюзивного образования, предпочтительных форм и методов коммуникации, наличия и сформированности взаимных стереотипных представлений.

Целью исследования было выявление представлений глухих, слабослышащих и слышащих студентов о взаимодействии друг с другом в образовательном и социальном пространстве путем проведения анкетного опроса студентов, обучающихся в обра-

5 Ясин М. И. Глухие и слабослышащие студенты в системе инклюзивного высшего образования: возможности и барьеры // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — № 17 (4). — С. 601–614.

6 Большаков Н. В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38.

7 Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследования социальной политики. — 2019. — № 4.

зовательных организациях РФ. Для достижения поставленной цели авторам необходимо было: выявить отношение глухих, слабослышащих и слышащих студентов к инклюзивному образованию; определить наличие или отсутствие стереотипов и составить характеристику содержания стереотипных представлений слышащих студентов о глухих людях; определить наличие или отсутствие стереотипов и составить характеристику содержания стереотипных представлений глухих и слабослышащих студентов о глухих людях и слышащих людях; осуществить анализ содержания и дать характеристику уровня знаний по РЖЯ среди глухих, слабослышащих и слышащих студентов, а также произвести анализ их потребностей в организации совместных мероприятий в процессе получения инклюзивного образования. Для реализации поставленных задач авторы сформулировали исследовательский вопрос: «Случается ли глухим, слабослышащим и слышащим представителям студенческой молодежи сталкиваться с проблемами и ограничениями в коммуникации, обусловленными взаимными стереотипами в процессе социального взаимодействия в образовательном и социальном пространстве, и каковы частота, характер и содержание этих проблем и ограничений?»

В соответствии с этим исследовательским вопросом в качестве гипотез исследования авторами определены следующие положения:

- представители студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих сталкиваются с проблемами и ограничениями в коммуникации, обусловленными слабой развитостью инклюзивной культуры в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования;
- проблемы в коммуникации между слышащими, слабослышащими и глухими студентами связаны с наличием стереотипов, обоюднo возникающих в процессе социального взаимодействия;
- концепция социальной и образовательной инклюзии не поддерживается единогласно представителями студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих;

— у глухих, слабослышащих и слышащих студентов сформированы потребности в интенсификации взаимодействия путем изучения РЖЯ и культуры глухих, а также организации совместных мероприятий в процессе получения инклюзивного образования и взаимодействия в общем образовательном и социальном пространстве.

Категория взаимодействия и коммуникации между глухими, слабослышащими и слышащими слабо представлена в современной исследовательской традиции. Одним из первых исследований по постановке этой проблемы можно назвать опубликованную в 2012 году работу Елены Кошелевой⁸, в которой в контексте психологического подхода говорится о проблемах общения глухих и слабослышащих со слышащими и подчеркивается наличие ограниченности социальных контактов и взаимодействия, а также выдвигается тезис о прямой связи между уровнем развития речи у людей с «нарушениями слуха» и их стремлением к общению со слышащими, что связывается с уровнем социальной адаптации. При этом сложности в коммуникации и общении глухих и слабослышащих со слышащими связываются как с «нарушениями речевой коммуникации», так и с наличием стереотипов у слышащих в отношении глухих. В 2016 году на основе контент-анализа эссе, написанных глухими и слабослышащими студентами и выпускниками МГТУ им Н. Э. Баумана, Анна Авдеева и Юлия Сафонова типологизировали группы социально-психологических барьеров в общении таких студентов⁹.

В целом можно сказать, что на протяжении нескольких лет в отечественных исследованиях, посвященных общению и коммуникации глухих и слабослышащих студентов, доминировал психологический и даже скорее «дефектологический» дискурс, в соответствии с которым гипотезы и исследовательские вопросы

8 Кошелева Е. А. Оптимизация межличностного общения в интегрированных группах // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2012. — № 2. — С. 22–27.

9 Авдеева А. П., Сафонова Ю. А. Социально-психологические барьеры общения студентов с ограниченным слухом в инклюзивной образовательной среде вуза // Машиностроение и компьютерные технологии. — 2016. — № 7. — С. 345–351.

были связаны с предположениями об изначальной «недостаточности», «неразвитости», «проблемности» взаимодействия, коммуникации и общения «людей с нарушениями слуха» по сравнению со «слышащими» (например, в работе Ольги Чиж в качестве выводов значителен то, что глухие юноши отстают от слышащих в развитии способности к межличностному познанию, при этом преобладание невербальных каналов коммуникации у глухих приводит к затруднению оценки чувств, намерений и состояний людей и в целом «наблюдается отставание глухих от слышащих в понимании логики развития ситуации взаимодействия, значения поведения людей в ней»¹⁰, а в работе Любови Нагорной приводится утверждение, что глухота резко ограничивает возможности общения, а вместе с тем и нормального личностного развития, при этом также подчеркивается, что в современном российском обществе весьма актуальна проблема неумения и нежелания многих слышащих адекватно взаимодействовать с глухими людьми¹¹). В последние годы появляются социологические работы, посвященные коммуникации глухих в виртуальной среде и социальных медиа (Юлия Шамсутдинова)¹².

При этом большинство авторов признают, что одним из наиболее значимых агентов социализации и социальной адаптации глухих и слабослышащих является система образования, а снятие коммуникативных барьеров между глухими и слышащими возможно только при получении образования в билингвистической инклюзивной образовательной среде, предполагающей интенсивное взаимодействие в повседневной жизни и при получении образования глухими и слышащими представителями молодежи на основе словесно-жестового двуязычия, причем важно изучать мнения не только глухих и слабослышащих, но и слышащих представителей студенческой молодежи относительно

10 Чиж О. А. Особенности понимания другого человека неслышащими юношеского возраста // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 62—3.

11 Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Популяризация русского жестового языка как одно из условий инклюзии глухих людей в современном российском обществе // Философия и культура. — 2020. — № 6.

12 Шамсутдинова Ю. Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/ слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2020. — № 5. — С. 51—66.

проблем взаимодействия друг с другом. Таким образом, приведенные выше данные подтверждают актуальность проведения эмпирических социологических исследований по проблематике, посвященной изучению социального взаимодействия глухой, слабослышащей и слышащей студенческой молодежи в образовательном и социальном пространстве.

В ходе проведения операционализации основных концептов авторами исследования рассмотрены теоретические подходы к категории «социальное взаимодействие», а также определены социальные индикаторы взаимодействия слабослышащих и слышащих студентов и их качественно-количественные изменения. Категория социального взаимодействия в отечественной науке имеет многообразные смыслы и подходы к определению¹³. В проведенном авторами исследовании за основу понятия «социальное взаимодействие» берется следующая интерпретация: это процесс обмена социальными действиями, форма социальной коммуникации и результат взаимных действий социальных акторов, проявляющийся в репертуаре межличностных поведенческих реакций, выражающих определенное отношение и обеспечивающих действие в различных социальных ситуациях. Под социальными индикаторами мы понимаем количественные показатели изменения социально значимых величин, имеющих особое значение для анализа социального развития, проведения социальной политики и оценки ее результатов. В качестве индикаторов социального взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов определены такие качественно-количественные значения, как: формы (форматы) коммуникации, интенсивность (частота и глубина) социальных контактов; статусно-ролевая связь между взаимодействующими; готовность и характер мотивации к взаимодействию между глухими и слышащими представителями студенческой молодежи; проблемы, ограничения, барьеры коммуникации; наличие/отсутствие и распространенность стереотипных представлений глухих о слышащих и наоборот.

13 Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. — 2006. — № 5 (12).

Дизайн исследования

При проведении эмпирического исследования был использован метод анкетного опроса, для реализации которого разработали инструментарий в виде двух анкет (первая — для глухих и слабослышащих студентов и вторая — для слышащих студентов). Анкета для глухих и слабослышащих студентов содержала 36 открытых и закрытых вопросов, а для удобства респондентов была произведена их адаптация путем интегрирования в использованный для анкетирования сервис *Google* записанных видеороликов с переводом вопросов на РЖЯ. Для слышащих в анкету включили 28 открытых и закрытых вопросов. Частично предполагались «зеркальные» вопросы (у глухих и слабослышащих в отношении слышащих и наоборот). Также присутствовали вопросы, составленные с использованием модифицированной шкалы социальной дистанции Эмори Богардуса для измерения этой дистанции между представителями «сообщества глухих» и «слышащих», — она рассматривается как степень отчуждения или близости между двумя этими группами. Вопросы анкеты включали в себя следующие блоки: социально-демографический (пол, возраст, курс обучения, форма обучения, направление подготовки); вопросы об отношении респондентов к инклюзивному среднему образованию людей с инвалидностью по слуху; вопросы о представлениях слышащих и людей с инвалидностью по слуху друг о друге; вопросы об отношении к РЖЯ; вопросы, направленные на выяснение мнения респондентов о проблемах коммуникации глухих и слышащих в условиях образовательного процесса и социальной жизни; вопросы о потребностях, мотивации и предпочтительных формах взаимодействия представителей учащейся молодежи с инвалидностью по слуху со слышащими.

Опрос проводился в два этапа: в марте-апреле 2022 и марте-апреле 2023 гг. среди студентов, обучающихся в образовательных организациях Российской Федерации по программам среднего профессионального и высшего образования, путем заполнения *Google*-формы и раздаточной анкеты. Всего в исследовании приняли участие 1608 респондентов, из них слышащих — 1432 человека и людей с инвалидностью по слуху — 176 человек.

При определении выборочной совокупности был задан ограничительный признак для слышащих респондентов — условие наличия в вузе, в котором они обучаются, обучающихся с инвалидностью по слуху. При определении выборочной совокупности было учтено, что данные о генеральной совокупности обучающихся с инвалидностью по слуху доступны, — генеральная совокупность составила 1505 человек, обучающихся по программам высшего образования, и 2625 человек, обучающихся по программам среднего профессионального образования.

Однако данные о количестве учащихся без инвалидности по слуху, обучающихся в вузах и образовательных организациях среднего профессионального образования, в которых есть также обучающиеся с инвалидностью по слуху, невозможно получить в связи с отсутствием списка таких образовательных организаций и, соответственно, количества обучающихся в них студентов, в силу чего невозможно говорить и о репрезентативности опроса.

При составлении выборки применялись: метод снежного кома (поскольку один из авторов исследования сам является глухим и интегрирован в сообщество глухих, то первоначальная рассылка анкеты осуществлялась через контакты друзей, коллег, знакомых, которые подходили под условия отбора и могли принять участие в исследовании. Таким образом, выборка формировалась с участием самих объектов исследования), а также стихийная выборка, когда опрашивались все наиболее доступные респонденты (для этого делались рассылки информационных писем в образовательные организации с приглашением к участию в исследовании).

Наибольшее количество респондентов было из Новосибирской, Кемеровской, Московской областей и Москвы, а также республик Тыва и Саха (Якутия). В целом в опросе приняли участие респонденты из 27 регионов РФ. Специфика условий проведения опроса связана с отсутствием точных данных о генеральной совокупности — количестве слышащих студентов, обучающихся в образовательных организациях, в которых обучаются люди с инвалидностью по слуху, результатом чего становится невоз-

можным построение репрезентативной выборки. Это стало ключевым ограничением проведенного исследования.

Результаты

В данной работе мы приведем лишь наиболее значимые результаты нашего исследования. Исходя из приведенных выше индикаторов и показателей социального взаимодействия, определивших логику эмпирической части исследования, представим полученные в ходе опроса респондентов данные.

При ответе на вопросы о частоте и интенсивности социальных контактов в коммуникации между глухими и слышащими более половины опрошенных слышащих ответили, что не имеют знакомых и близких глухих и слабослышащих (54%), в то время как среди глухих и слабослышащих такие ответы дали только 7% опрошенных, что свидетельствует о неравномерной интенсивности социальных контактов среди слышащих респондентов и респондентов с инвалидностью по слуху.

Так, одним из важнейших показателей готовности к коммуникации можно назвать отношение к обучению глухих и слабослышащих студентов совместно со слышащими в условиях инклюзивного образования. По результатам опроса было зафиксировано, что 15% слышащих и 19% глухих и слабослышащих респондентов не поддерживают идею совместного обучения и образовательной инклюзии в целом и только 17% слышащих и 35% глухих считают, что глухим и слышащим лучше учиться вместе, поскольку совместное обучение помогает лучше понять друг друга.

Также интерес представляют ответы на вопросы, направленные на выявление взаимных стереотипных представлений глухих, слабослышащих и слышащих друг о друге (илл. 1–4). Респондентам были заданы вопросы о том, верны ли утверждения о людях с инвалидностью по слуху, предложенные авторами исследования, и далее был сформирован список утверждений. Респондентам предложили отметить, верно или неверно предложенное утверждение. Результаты анализа ответов на сформированные утверждения показали, что практически половина опрошенных слыша-

щих ответили, что слуховой аппарат «делает глухого слышащим», что является безусловным заблуждением (это подтверждается в работах Ольги Вариновой¹⁴) и свидетельствует о слабой осведомленности слышащих о проблемах глухих людей.

Также более двух третей опрошенных слышащих считают, что глухие и слабослышащие люди все в совершенстве владеют РЖЯ, а при обращении к ним нужно говорить как можно громче, что также не соответствует действительности¹⁵. Что касается глухих, то большинство глухих и слабослышащих респондентов (74% опрошенных) считают, что они менее успешны в жизни, а слышащие по сравнению с ними имеют больше возможностей добиться успеха в жизни. Также примерно половина глухих (46%) считает, что слышащие более интеллектуально развиты, чем глухие (что также не соответствует истине — см. работы Тамары Богдановой, Марины Сутыриной¹⁶). Далее, больше половины глухих и слабослышащих (52%) считают, что им лучше работать и заводить семьи скорее с другими глухими и слабослышащими, чем со слышащими. При этом об отсутствии проблем в коммуникации со слышащими заявляют также более половины глухих и слабослышащих (54,8%), однако они все же указывают на наличие проблем, поскольку зачастую чувствуют себя неуверенно, неловко или даже испытывают чувство страха, либо чувствуют себя уверенно только в присутствии переводчика РЖЯ (илл. 2).

В качестве причин основных трудностей в коммуникации слышащие называют отсутствие знания РЖЯ (69%), а глухие — боязнь непонимания со стороны слышащих (39%) и стеснение (30%). Коэффициент корреляции Спирмена, равный 0,77, подтвердил наличие прямой связи между опытом обучения и наличием проблем в коммуникации со слышащими. Прямая положительная корреля-

14 Варинова О. А., Елфимова С. В. Что вы хотели узнать о глухих. Учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. — 32 с.

15 Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: ВЛАДОС, 2000.

16 Богданова Т. Г. Компаративный анализ подходов к изучению интеллекта лиц с нарушениями слуха в зарубежной и отечественной психологии // Пермский педагогический журнал. — 2014. — № 6. — С. 17–22; Сутырина М. П. Интеллектуальные характеристики студентов с нарушениями слуха // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 1. — С. 244–247.

ляция существует между опытом обучения в массовой или специализированной школе и наличием проблем с коммуникацией: то есть обучение в специализированной, а не общеобразовательной школе определяет большую вероятность наличия проблем в коммуникации со слышащими людьми во взрослом возрасте.

Также в ходе исследования были определены взаимные установки респондентов по модифицированной шкале социальной дистанции Богардуса. Респондентам без особенностей слухового восприятия было предложено ответить на вопрос в следующей формулировке: *«Укажите единственно верное для Вас утверждение, которое может стать завершением следующей фразы: „Для меня лично возможно и желательно принять представителя группы глухих и слабослышащих людей в качестве...”»* — и далее предложены варианты ответов: *«близкого родственника (например супруга); близкого друга; одноклассника; коллеги по работе, начальника или подчиненного; соседа»*. Респондентам с инвалидностью по слуху было предложено ответить на такой же вопрос в отношении слышащих людей. Чаще всего глухие указывали, что готовы видеть слышащих в качестве: близкого родственника или партнера в браке на втором месте по количеству ответов указан «близкий друг», на третьем месте «одноклассник». Слышащие респонденты, напротив, в меньшей степени (только 8,4% опрошенных) готовы видеть в качестве близкого родственника и партнера в браке глухого или слабослышащего человека, а большинство готовы принимать людей с инвалидностью по слуху в качестве одноклассника (35,6%) или близкого друга (30,8%). Подробное распределение ответов на указанные вопросы представлено на илл. 3 и илл. 4. Результаты использования шкалы социальной дистанции Богардуса показывают, что установки слышащих отражают большую степень дистанцированности, чем установки глухих и слабослышащих. Так, только 8% слышащих готовы представить глухого в качестве своего близкого родственника, в противовес 45% глухих, готовых принимать слышащих в ближайшем социальном окружении.

В ходе исследования также были выявлены предпочтительные каналы коммуникации между слышащими и глухими. Так, слышащие в качестве предпочтительного способа коммуникации видят

прежде всего переписку на бумаге (41% опрошенных) и общение с помощью переводчика (26% опрошенных), а для глухих предпочтительным является чтение по губам и разговор с выраженной артикуляцией (37%), а переписка на бумаге находится на втором месте (20%).

Что касается готовности глухих, слабослышащих и слышащих к интенсификации взаимодействия, то по результатам опроса можно утверждать, что многие слышащие (57% опрошенных) готовы и хотят больше взаимодействовать с глухими в совместных мероприятиях, поскольку считают, что это поможет им лучше понять культуру глухих и расширить круг своих социальных контактов. Так же отвечали и глухие и слабослышащие (77% опрошенных готовы к более тесному взаимодействию). При этом в качестве одной из предпочтительных форм взаимодействия глухих и слышащих в процессе совместной коммуникации был определен клуб неформального общения на РЖЯ. Исходя из данных опроса видно, что большинство глухих и слабослышащих (78% опрошенных) и более половины слышащих (64,5% опрошенных) готовы посещать клуб, где глухие и слышащие вместе будут неформально общаться, смотреть фильмы с переводом на РЖЯ, читать и обсуждать книги, обсуждать текущие события, играть в настольные игры, при этом самым предпочтительным вариантом совместных занятий являются настольные игры.

Также, отвечая на вопросы о распределении ситуаций взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих, многие указывали в качестве «локаций», пространств для взаимодействия общежитие, рабочие места или территории учебных заведений. Наличие проблем во взаимодействии и барьеров в коммуникации отмечают как глухие и слабослышащие, так и слышащие, при этом последние в большей степени отмечают их наличие, связывая это с речевыми барьерами или отсутствием в своем круге общения глухих и слабослышащих. Причины проблем, трудностей и барьеров в коммуникации для глухих и слабослышащих также связаны с навыками владения устной речью и РЖЯ, однако они также указывают на наличие психологических барьеров (страх, неуверенность, неловкость, ожидание агрессии со стороны слышащих).

При этом глухие в ситуации взаимодействия могут испытывать даже некоторую «зависть» к слышащим (цитата из ответа глухого респондента: «...*Вау, он слышит без слухового аппарата, я тоже так хочу*»), о чем свидетельствует эмоциональность ответа и использование сравнения себя со слышащими, вдобавок в качестве превосходной степени рассматривается состояние глухого как «не глухого». Однако чаще всего они испытывают нейтральные чувства при взаимодействии со слышащими и подчеркивают, что комфортность взаимодействия — не главное, поскольку ситуации взаимодействия неизбежны.

Также возможно, что наличие проблем во взаимодействии глухих, слабослышащих и слышащих определяется присутствием у некоторой части слышащих участников опроса искаженных, неверных представлений о глухих и слабослышащих, сформированных в процессе усвоения социальных и культурных норм в обществе, где инвалидность до сих пор может рассматриваться как «стигма»¹⁷, и такие представления, в свою очередь, способны затруднять взаимодействие, поскольку могут быть истолкованы глухими и слабослышащими как пренебрежение. Это проявляется в сленговых «прозвищах» представителей глухих и слабослышащих, которые употребляют некоторые слышащие («*глухонемой*», «*безушник*»).

Результаты исследования также показали, что далеко не все глухие, слабослышащие и слышащие представители студенческой молодежи разделяют концепцию образовательной и социальной инклюзии, подчеркивая наличие сложностей в организации образовательной деятельности при обучении глухих, слабослышащих и слышащих в одной студенческой группе. Очень многие отмечают, что для совместного обучения нужно соблюдение многих условий (согласие всех участников образовательного процесса; его особая организация, например совместное изучение лекций, но разделение на практических и лабораторных занятиях — или обучение в разных группах, но совместное участие во внеучебной деятельности; наличие перевода на РЖЯ. Отношение к соци-

17 Раузе М., Лапхам К. Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 11 (4). — С. 439–456.

альной инклюзии также неоднозначное, что зафиксировано в мнении одного из участников опроса (из числа глухих) о том, что близкие взаимоотношения (семья, дружба) между глухими и слышащими нежелательны, поскольку это может разрушать культуру сообщества глухих.

Самыми распространенными способами коммуникации, которые преимущественно используются глухими, слабослышащими и слышащими представителями студенческой молодежи в процессе взаимодействия в условиях единого социального и образовательного пространства, участники опроса назвали письменное взаимодействие (социальные сети, телефон, записки), а также устную и письменную речь, дополнительно отмечая необходимость выполнения особых условий (например *«артикулирование, внятная речь, использование РЖЯ»*). Также, по мнению глухих и слабослышащих (81,8% опрошенных), желательно, чтобы, при наличии потребности и мотивации, в случае интенсивного взаимодействия глухих и слышащих по работе или учебе последние приобретали базовые навыки общения на РЖЯ. В свою очередь, многие слышащие респонденты (55,9%) отмечали, что хотели бы изучить РЖЯ или уже находятся в процессе обучения РЖЯ, и указывают, что в основном обучились или обучаются РЖЯ в процессе получения образования в вузе или на работе. Также было некоторое количество респондентов из числа слышащих (4,2%), которые в качестве источников знания РЖЯ указали неформальное общение или посещение мероприятий в различных организациях (музей, молодежный центр). Характеризуя потребности глухих, слабослышащих и слышащих студентов в организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве, многие респонденты (57,4% слышащих и 77% глухих и слабослышащих) отметили, что готовы к различным видам активности, в том числе, например, к общению в рамках неформального коммуникативного клуба. На собраниях клуба неформального общения на русском и русском жестовом языках им интересны любые формы взаимодействия, даже совместные спортивные игры, при этом многие (21,4% слышащих и 27,5% глухих и слабослышащих) готовы встречаться очень часто, по мере необходимо-

сти, если это не мешает основной деятельности (учебе и/или работе).

Таким образом, интерпретация полученных результатов исследования позволила осуществить проверку гипотез. Было подтверждено, что представители студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих сталкиваются с проблемами и ограничениями в коммуникации и наряду с этим существует связь между опытом обучения в массовой или специализированной школе и наличием проблем с коммуникацией. Фактически обучение в специализированной, а не общеобразовательной школе определяло большую вероятность наличия проблем в коммуникации со слышащими людьми во взрослом возрасте. Также подтверждение нашла гипотеза о наличии взаимных стереотипов у глухих и слышащих, возникающих в процессе социального взаимодействия. Так, стереотипы слышащих относительно глухих и слабослышащих в основном связаны с особенностями их здоровья, а также предпочтительными способами коммуникации с ними, тогда как стереотипы глухих и слабослышащих связаны с их представлениями о большей успешности слышащих и собственной «уязвимости» и социальной неуспешности. Что касается поддержки концепции инклюзивного образования, когда глухие, слабослышащие и слышащие обучаются в рамках одной студенческой группы, то здесь результаты опроса показали, что примерно пятая часть самих глухих и слабослышащих не разделяет мнения о необходимости такого формата инклюзивного образования, а среди слышащих такого же мнения придерживаются приблизительно 15% опрошенных, — так что гипотеза о том, что концепция социальной и образовательной инклюзии не поддерживается единогласно представителями студенческой молодежи из числа глухих, слабослышащих и слышащих, не нашла подтверждения.

Заключение

Полученные авторами исследования результаты позволили определить характер и проблемы взаимодействия представителей глухих, слабослышащих и слышащих студентов, обучающихся в образовательных организациях современной России. Но необ-

ходимо отметить, что логика проведения исследования требует проверки еще ряда гипотез, связанных с наличием связи между направлениями подготовки студентов (социально-гуманитарное, техническое, естественнонаучное) и наличием и степенью интенсивности проблем во взаимодействии, а также опытом обучения в инклюзивной, реабилитационной (специализированной) или неинклюзивной студенческой группе. Кроме того, в результате анализа ответов респондентов были выделены чувствительные вопросы, которые эмоционально «вовлекают» и очень «задевают» респондентов и по которым им хочется высказаться свободно (например, вопрос об отношении к обучению глухих и слабослышащих в студенческих группах совместно со слышащими в условиях инклюзивного образования), что позволяет спроектировать дальнейшую стратегию исследования проблем взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих с использованием метода фокус-групп или полуструктуризованных интервью, где у респондентов появится возможность подробнее изложить свои размышления и мнения по поводу волнующих их тем и проблем. Также перспективы дальнейших исследований по теме могут быть связаны с проведением сплошного и/или репрезентативного опроса по скорректированному инструментарию среди слышащих, слабослышащих и глухих студентов, обучающихся в образовательных организациях во всех регионах России, проведением корреляционного анализа (сравнение ответов трех групп респондентов: глухих и слабослышащих; слышащих, обучающихся в одной студенческой группе с глухими и слабослышащими; слышащих, не обучающихся совместно с глухими и слабослышащими).

В ходе исследования также была определена высокая степень сформированности потребностей в интенсификации взаимодействия глухих, слабослышащих и слышащих студентов путем изучения русского жестового языка и культуры глухих, а также организации совместных мероприятий в процессе получения ими инклюзивного образования и взаимодействия в образовательном и социальном пространстве.

Проведение исследований, использующих в качестве эмпирического объекта одновременно две социальные общности (глухих

и слабослышащих, слышащих), позволяет определить проблемы коммуникации и социального взаимодействия не только с точки зрения представителей эксклюзированных социальных групп, но и с точки зрения лиц, не имеющих ограничений по состоянию здоровья, что в конечном итоге задает новый дискурс в исследованиях проблем инвалидности в современной отечественной социологической науке. Также перспективным представляется расширение методов исследования и проведение фокусированных групповых и экспертных интервью по рассматриваемым проблемам.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные данные могут стать основой для разработки моделей инклюзивной образовательной и воспитательной политики в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования в современной России, а материалы и результаты исследования могут быть использованы в процессе профессиональной деятельности специалистов, работающих с людьми с инвалидностью, а также специалистами, работающими в сфере инклюзивного образования.

Библиография

Авдеева А. П., Сафонова Ю. А. Социально-психологические барьеры общения студентов с ограниченным слухом в инклюзивной образовательной среде вуза // Машиностроение и компьютерные технологии. — 2016. — № 7. — С. 345–351.

Богданова Т. Г. Компаративный анализ подходов к изучению интеллекта лиц с нарушениями слуха в зарубежной и отечественной психологии // Пермский педагогический журнал. — 2014. — № 6. — С. 17–22.

Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — № 4. — С. 571–584.

Большаков Н. В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих

и слабослышащих // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38. — С. 154–165.

Варинова О. А. Особенности описания социального сообщества глухих людей // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7 (149). — С. 44–48.

Варинова О. А., Елфимова С. В. Что вы хотели узнать о глухих: Учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. — 32 с.

Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. — 2006. — № 5 (12). — С. 60–65.

Гришаева С. А. Профессиональная диагностика и трудоустройство студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник ГУУ. — 2018. — № 12. — С. 155–162.

Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 192 с.

Кошелева Е. А. Оптимизация межличностного общения в интегрированных группах // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2012. — № 2. — С. 22–27.

Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Популяризация русского жестового языка как одно из условий инклюзии глухих людей в современном российском обществе // Философия и культура. — 2020. — № 6. — С. 9–32.

Раузе М., Лапхам К. Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 11 (4). — С. 439–456.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. — Саратов: Научная книга, 2006. — 260 с.

Сутырина М. П. Интеллектуальные характеристики студентов с нарушениями слуха // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 1. — С. 244–247.

Чиж О. А. Особенности понимания другого человека неслышащими юношеского возраста // Проблемы

современного педагогического образования. — 2019. — № 62–3. — С. 262–266.

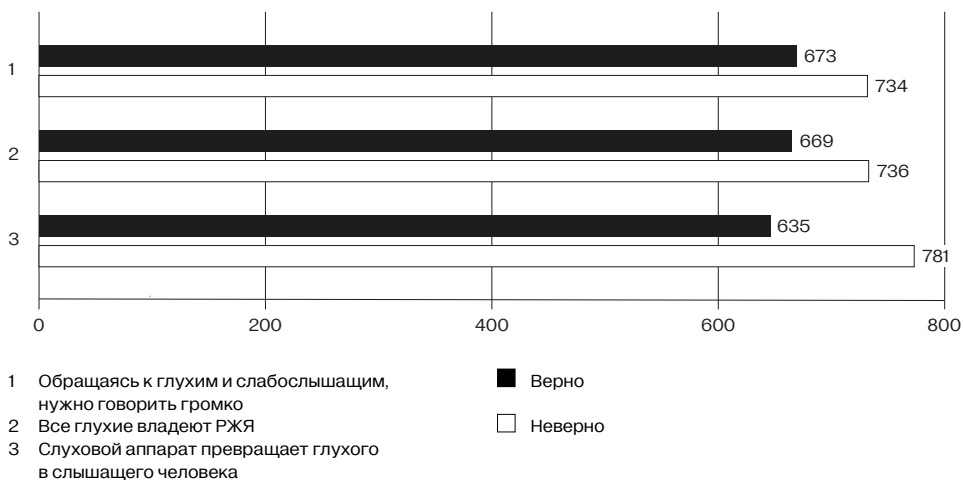
Шамсутдинова Ю. Ф. Коммуникация с участием слышащих и глухих/слабослышащих людей: потенциал социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2020. — № 5. — С. 51–66.

Щец А. А. Представления глухих, слабослышащих и слышащих студентов о взаимодействии в образовательном и социальном пространстве // Социальная работа и молодежная политика: роль в сохранении устойчивости общества и актуальные вызовы: сб. ст. участников всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. — М.: Издательство РГСУ, 2022. — С. 83–90.

Ясин М. И. Глухие и слабослышащие студенты в системе инклюзивного высшего образования: возможности и барьеры // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — № 17 (4). — С. 601–614.

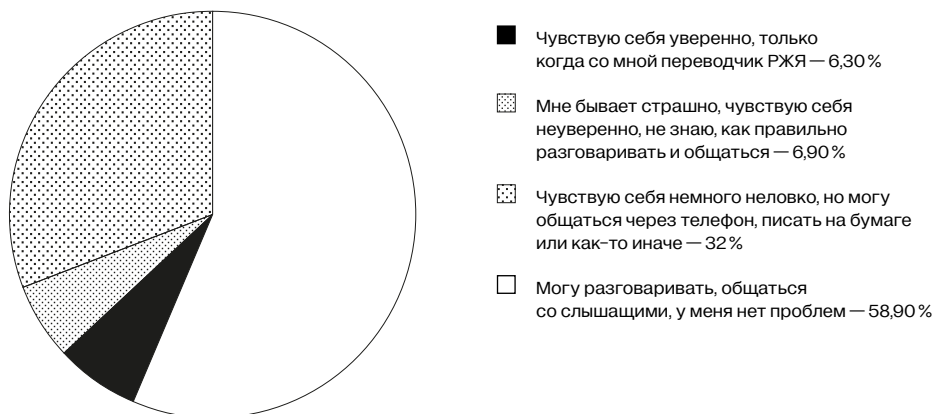
Илл. 1. Распределение ответов слышащих респондентов на вопросы о достоверности утверждений (количество человек)

Ответы от слышащих

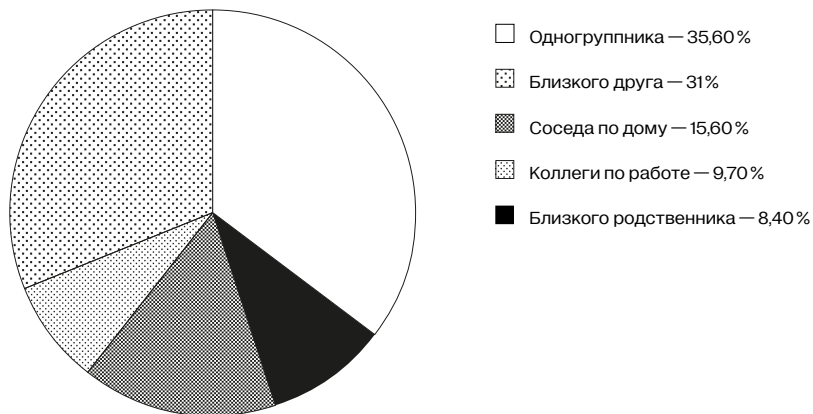
Илл. 2. Распределение ответов на вопрос о том, как глухие и слабослышащие чувствуют себя, когда встречаются и общаются со слышащими

Как Вы чувствуете себя, когда встречаетесь и общаетесь со слышащими?

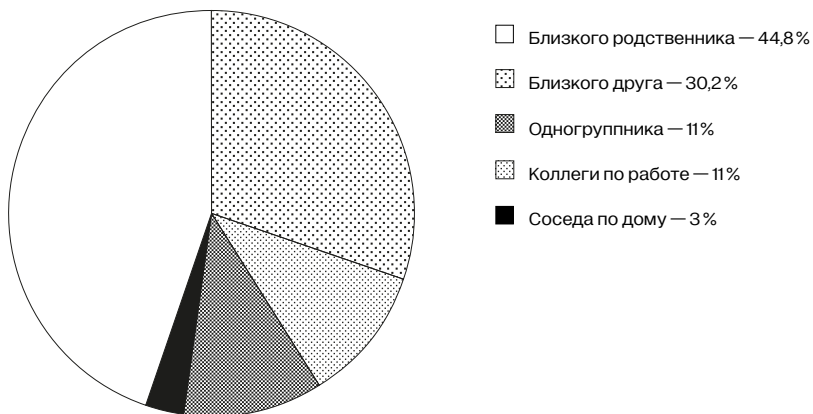

Илл. 3. Распределение ответов на вопрос о том, в качестве кого готовы видеть глухих и слабослышащих слышащие.

Ответы от слышащих

Ответы от глухих

**Issues of Interaction
between Deaf, Hard of
Hearing, and Hearing Young
People in Educational and
Social Spaces****Aleksandr Shets**

Novosibirsk State Technical
University (NSTU),
Novosibirsk, Russia
sashashec@mail.ru

Inna Zhdanova

Novosibirsk State Technical
University (NSTU),
Novosibirsk, Russia
ivzhdanova@mail.ru

Keywords: d/Deaf, hard
of hearing, bilingualism,
inclusion, inclusive
education, Russian Sign
Language (RSL), interaction.

This paper is based on the results of a survey of d/Deaf, hard of hearing, and hearing students pursuing higher and secondary vocational education programmes at Russian universities. The purpose of the study was to determine their feelings about their interactions with one another in educational and social spaces. The study had the following aims: to identify the attitude of d/Deaf, hard of hearing, and hearing students towards inclusive education; to determine the presence or absence of stereotypical notions about d/Deaf people among hearing students, and, if such notions were found to be present, to describe their content; to analyse and describing Russian Sign Language proficiency level among d/Deaf, hard of hearing, and hearing young students; and to analyse the need for joint events in the process of receiving inclusive education. The results of the study indicated that not all d/Deaf, hard of hearing, and hearing young students share a single concept of educational and social inclusion, and highlighted the difficulties in organising educational activities while teaching d/Deaf, hard of hearing, and hearing students in a single student group. The study identified problems of social interaction between d/Deaf, hard of hearing, and hearing students, and the data obtained indicated a strong need to intensify these interactions through encouraging the study of Russian Sign Language and Deaf culture and through the organisation of joint events over the course of inclusive education processes in order to foster interaction in educational and social spaces.

References

Avdeeva A. P., Safonova Yu. A. Social and psychological barriers to communication among students with hearing impairments in an inclusive educational environment at a university. *Mashinostroenie i komp'yuternye tekhnologii* [Mechanical Engineering and Computer Technologies], 2016, no. 7, pp. 345–351. (In Russian).

Bogdanova T. G. Comparative analysis of approaches to studying the intelligence of persons with hearing impairments in foreign and domestic psychology. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Perm Pedagogical Journal], 2014, no. 6, pp. 17–22. (In Russian).

Bol'shakov N. V. "Hearing people have more opportunities for life": problems of secondary vocational education of the Deaf and hard of hearing. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy*

politiki [Journal of Social Policy Research], 2019, no. 4, pp. 571–584. (In Russian).

Bol'shakov N. V. Possibilities of using the strategy of mixing methods when studying the community of the Deaf and hard of hearing. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology], 2017, no. 38, pp.154–165. (In Russian).

Chizh O. A. Peculiarities of understanding another person by deaf youth. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2019, no. 62–3, pp. 262–266. (In Russian).

Grishaeva S. A. Professional diagnostics and employment of students with disabilities. *Vestnik GUU* [Bulletin of the State University of Education], 2018, no. 12, pp. 155–162. (In Russian).

Kosheleva E. A. Optimization of interpersonal communication in integrated groups. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2012, no. 2, pp. 22–27. (In Russian).

Nagornaya L. A., Nagornyy N. N. Popularization of Russian Sign Language as one of the conditions for the inclusion of deaf people in modern Russian society. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2020, no. 6, pp. 9–32. (In Russian).

Rauze M., Lapkham K. A long path towards inclusion. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2013, no. 11 (4), pp. 439–456. (In Russian).

Romanov P. V., Yarskaya–Smirnova E. R. *Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability Policy: Social Citizenship of Disabled People in Modern Russia]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2006. 260 p.

Shamsutdinova Yu. F. Communication with the participation of hearing and deaf/hard of hearing people: the potential of social media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2020, no. 5, pp. 51–66. (In Russian).

Shets A. A. Representations of deaf, hard of hearing and hearing students about interaction in the educational and social space. *Sotsial'naya rabota i molodezhnaya politika: rol' v sokhranении ustoychivosti obshchestva i aktual'nye vyzovy: sb. st. uchastnikov vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh rabot* [Social Work and Youth Policy: The Role in Maintaining the Sustainability of Society and Current Challenges: A collection of articles by the participants of the All-Russian research projects competition]. Moscow, RGSU Publ., 2022, pp. 83–90. (In Russian).

Sutyrina M. P. Intellectual characteristics of students with hearing impairments. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, and Education], 2010, no. 1, pp. 244–247. (In Russian).

Varinova O. A. Features of the description of the social community of deaf people. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2020, no. 7 (149), pp. 44–48. (In Russian).

Varinova O. A., Elfimova S. V. *Chto vy khoteli uznat' o glukhikh: Uchebnoe posobie* [What You Wanted to Know about the Deaf: A textbook]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2014. 32 p.

Vrublevskaya O. A. On the essence of the concept of "Social interaction" in scientific research. *Sibirskiy aerokosmicheskiy zhurnal* [Siberian Aerospace Journal], 2006, no. 5 (12), pp. 60–65. (In Russian).

Yasin M. I. Deaf and hard of hearing students in the system of inclusive higher education: opportunities and barriers. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2019, no. 17 (4), pp. 601–614. (In Russian).

Zaytseva G. L. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Sign Language. Dactylogy: A textbook for students of higher education establishments]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 192 p.